

сударственный университет. Говорила, что всегда мечтала учиться там. А потом рассказывала ему о рыбе-Капле или о чём-то ещё, диковинном и необычном.

Но иногда, когда чувствовала себя неважно, она ленилась разговаривать и строить длинные фразы. И предпочитала отвечать на его вопросы очень коротко: протяжными «Да-а-а» или «Нэть». Или просто обходилась обычными глаголами: «Гладить», «Обнимать», «Целовать».

Она очень любила обниматься и целоваться. Каждую минуту и каждое мгновение. Посредине отделения, в лифте, на улице. Она подставляла ему щеку для поцелуя и требовательным голосом маленькой избалованной девочки произносила: «Целовать». Или останавливалась посреди коридора, прижималась к нему всем телом и говорила: «Обнимать»! Но ещё больше она любила целовать его сама.

Ему было как-то неловко целоваться и обниматься с ней у всех на виду. Хотя он и замечал, как отворачивались при этом редкие посетители отделения и медперсонал. И замечал, как некоторые женщины при этом укрдкой смахивали слезы. И всё же, сорокалетний, седой мужчина, гонимый ей в отцы, он как-то стеснялся проявлять свои чувства, свои эмоции. Она же жила только ими.

Поначалу её очень удивляло, что он не смотрит ей в глаза. Ему было трудно объяснить ей, что эта привычка у него с войны – внимательно фиксировать взглядом всё происходящее вокруг. То, что может представлять им хоть малейшую опасность. Это было привычкой, которую он много лет пытался искоренить. Но, видно так и не смог.

Он не мог ей всего этого объяснить. И объяснить, что просто боится её потерять. Хотя всегда знал, что бояться этого нельзя. Ведь сколько раз говорили ему друзья: альтист Данилов и писатель Орлов, что боящийся несовершенен в любви. Ему было безразлично: совершенен он или нет? Но он всё равно боялся. И тогда она произнесла одну из самых длинных своих фраз того дня.

- Смотреть. Всегда. На меня.

А ещё она любила его рассказы. И требовала, чтобы он как можно больше рассказывал о себе. И он рассказывал ей то, что не рассказывал никому на свете. О том, как однажды на войне он испугался маленькой змейки со смешным и нелепым названием Стрелка (не хватало ей ещё и Белки!). Его прислали для «усиления» на одну из сторожевых застав. По

сведениям нашей разведки, душманы готовили нападение на эту заставу. Двое суток прошло в томительном ожидании. На рассвете третьего дня, когда стало ясно, что нападения не будет, он уснул прямо на минометной позиции. А проснулся от того, что что-то свалилось на него сверху. С маскировочной сетки. Автомат сам собой оказался у него в руках. С испугу и спросонья он выпустил целый магазин по этой змейке, прежде чем попал в неё.

И как однажды ему с разведзвондом пришлось провести ночь на леднике. Одежды они были не «по сезону». А потому, чтобы его разведчики не замёрзли, ему пришлось всю ночь заставлять их строить из камней стрелково-пулеметные сооружения. Он и сам себе строил такой же СПС. Не потому, что на рассвете ожидалась атака душманов. Просто привык общаться со своими ребятами по принципу «Делай, как я», а не «Делай, как я сказал». А ещё потому, что и самому ему было очень холодно. И очень стыдно от мысли, что его разведчики догадаются об этом. Ведь он был их командиром. А командиру не может быть холодно.

Двадцать два года ему тогда было. На память о тех временах остались у него орден «Красной Звезды», медаль «За Отвагу», перебитые ноги, да двусторонняя пневмония. Но об этом он ей не рассказывал.

Иногда она вспоминала кошку Лизу, кота Ваську и декоративную рыбку по фамилии Тихненко, что остались у неё дома. Жалела, что некому будет ухаживать за ними, когда...

Об этом они старались не говорить. Хотя в отличие от многих, живущих на этой планете, прекрасно знали, что не будут жить вечно. И что предстоящая зима – последняя в их жизни. Хотя врачи и говорили, что если они будут следовать их рекомендациям и соблюдать все предписания, то проживут ещё полгода. Но все прекрасно понимали, что помочь им уже не могло даже чудо. Понимали врачи и они сами. А потому в один из вечеров они решились на побег.

Разумеется, они могли бы просто написать расписки, и вполне официально покинуть Онкологический центр. Никто бы не стал держать их насильно. Тем более, с таким диагнозом. Но побег был для них приключением. А расписки и выписки – лишь глухой прозой жизни. Им не хотелось прозы, им хотелось приключений! Хотелось дышать полной грудью. Хотелось, чтобы ветер дул во все паруса. Чтобы ярко сияло солнце, чтобы всегда была музыка. Хотя она и не любила, когда музыка играла слишком громко.

В субботу после обеда они, как обычно спустились на лифте вниз. Но вместо того, чтобы идти гулять к реке, напрямиком направились к ближайшей станции метро. Благо, что до Каширки было совсем не далеко. Уже через сорок минут они были у него дома. И уже в прихожей она сказала: «Любить»!

И куда-то ушла боль. И откуда-то взялись силы. И он сам удивлялся себе. Потому что день сменился ночью. Ночь сменилась днём, а они всё не вылезали из постели. Лишь изредка добираясь до холодильника и наскоро чем-то перекусывая.

Иногда он пытался сбежать от неё в другую комнату – ему нужно было доде-

лать какие-то важные дела. Он боялся, что уже не успеет их доделать. А она очень удивлялась этому. Потому что точно знала, что все дела – лишь суета сует. И лишь Любовь – единственное, ради чего стоит жить на свете.

- Знаешь. – Как-то сказала она. – Мне кажется, что многое из того, что мы считаем сейчас таким важным, окажется совершенно не важным, когда нас не станет. Ведь даже на работу мы очень часто ходим лишь для того, чтобы просто её работать. А зачем? Для чего? Все потому, что мы не умеем любить. Не умеем любить свою работу. Не умеем любить друг друга, любить своих родных и близких. Лишь когда мы научимся этому, будет смысл в том, что мы делаем. И в том, что оставим после себя. Понимаешь?!

- Понимаю. – Ответил он. Хотя едва ли понимал тогда всю глубину её мысли. Но мысль эта не давала ему покоя. Она видела это и морщила лоб. Ей не нравилось, когда он думал о чём-то, кроме неё.

И тогда она говорила «Купать» и он долго тер её мочалкой в душе. Потом она говорила «Гладить» – и он делал ей массаж час, другой, третий. Она говорила «Обнимать» и он подолгу лежал рядом, обнимая её. Она говорила «Любить»...

А ночью ему приснился странный сон. Приснились Аполлон и Афродита, боги одного необыкновенного племени, живущего в Афганистане. В этом племени считали, что в процессе занятий любовью вырабатывается божественная энергия, которую необходимо реализовывать в творчестве. Своим богам они посвящали не храмы, а новые рощи. И вместо казённых зданий испокон веков строили лишь дома для молодоженов. Никогда не воевали, а были тружениками и творцами.

А затем ему приснилась Вахалла и его погибшие друзья. Они сидели с ним за большим деревянным столом, пили вино и беседовали. Во главе стола сидел бог воинов – Один. Один говорил, что многому научил его. Что он – хороший ученик и настоящий воин. И, что за верную службу своей стране и своему народу он может подарить ему жизнь. Как великую, но вполне заслуженную награду. Если он попросит.

И он попросил подарить жизнь...

Наутро он проснулся в необыкновенно приподнятом настроении. Впервые за много, много лет у него ничего не болело. Он вспомнил свой сон. Невольно ему подумалось о том, что за свою длинную, длинную жизнь он научился воевать, научился ненавидеть и убивать. Сегодня рядом с ним сладко спала девушка, которая научила его любить. Он поцеловал её. Она улыбнулась во сне и потянулась к нему всем телом.

Он знал, что Один не обидится на его просьбу. И исполнит её. Потому что эта просьба не была обманом, а была чем-то похожим на небольшую военную хитрость. Ведь выпросив одну жизнь, он спасал теперь уже две. Нет, Один не обидится! Потому что он и сам был воином. И не был занудой...

Лина прожила ещё пятьдесят один год. Она исполнила свою мечту – окончила университет. Вышла замуж. А своего сына-первенца назвала в память о нем – Серёжей.

БОЕВОЕ БРАТСТВО: ФОТОХРОНИКА

